

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ



Сергей Самаров

СВИНЦОВЫЙ
ВЗВОД



Спецназ ГРУ

Сергей Самаров
СВИНЦОВЫЙ ВЗВОД

«Автор»

2014

Самаров С. В.

Свинцовый взвод / С. В. Самаров — «Автор», 2014 — (Спецназ ГРУ)

В горах Северного Кавказа проходит крупномасштабная антитеррористическая операция: военные пытаются одним мощным ударом уничтожить сразу несколько крупных бандформирований. Самая трудная часть операции поручена отряду спецназа ГРУ под командованием старшего лейтенанта Раскатова. Бойцам приказано уничтожить неуловимую банду эмира Улугбекова. Спецназовцы выдвигаются в горы и буквально через два дня встречаются с бандитами «неуловимого эмира» лицом к лицу. Такое чувство, что боевики специально ждали отряд Раскатова. Но зачем? Тягаться со спецназом ГРУ в открытом бою – чистое самоубийство. И Улугбеков не может не знать этого...

© Самаров С. В., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Пролог	5
Глава первая	12
Глава вторая	19
Глава третья	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сергей Самаров

СВИНЦОВЫЙ ВЗВОД

Пролог

Два сравнительно невысоких, поросших лесом хребта стояли тесно друг к другу, образуя ущелье, из которого выпускали только небольшой ручеек с кристально чистой водой. Впрочем, вода там, как оказалось, далеко не всегда была кристально чистой. По крайней мере, в один из дней начала лета было получено сообщение, что ручей вдруг принес проходящему мимо пастуху с отарой масляные пятна. Никогда такого не было. И неоткуда было взяться в этом ущелье маслу. Но пастух был человеком серьезным, опытным, когда-то в Афгане сержантом воевал во взводе разведки минометного дивизиона. А разведка если чему-то учит, то это на всю оставшуюся жизнь. И бывший сержант разведки не оставил без внимания малозаметную вроде бы деталь, которая совсем не вписывалась в окружающий мир. Вернувшись в свое село, он позвонил участковому, предложил сходить в ущелье вверх по ручью и посмотреть на необычное явление. Участковый в Афгане не воевал, и, хотя у него был автомат, а у пастуха только двустволка, не обладал практичным здравым смыслом и позвонил в райотдел. Оттуда дали сообщение в ФСБ, и буквально через час прилетело два вертолета. Один высадил в селе взвод спецназа ГРУ под командованием старшего лейтенанта Раскатова, второй вылетел дальше, чтобы силами спецназа ФСБ и полиции перекрыть верхний выход из ущелья и вытеснить тех, кто там, возможно, прячется, на автоматы взвода спецназа ГРУ, сразу вышедшего на позицию. Однако на спецназ ГРУ через пять часов вышли только их коллеги-силовики, усилия которых по поиску оказались бесполезными.

Вытеснить никого не удалось. Но следы какой-то маслянистой жидкости нашли в ручье на камнях. Собрали, что смогли, и отправили на экспертизу в Махачкалу с одним из вертолетов. И тогда на повторные поиски выступил уже взвод спецназа ГРУ, в надежде вытеснить противника, если он объявится, вверх, на автоматы уже занявшего позицию спецназа ФСБ. То есть если раньше ущелье прочесывали сверху вниз, то теперь повторяли все в обратном порядке – снизу вверх.

Бойцы военной разведки распределились широкой цепью по обоим склонам, насколько они это позволяли. Двинулись, не слишком торопясь, прямо через ельник, местами достаточно густой, чтобы скрыть кого-то от постороннего взгляда. Шли, как обычно, стараясь ступать по корням, потому что под корень дерева невозможно незаметно установить мину или самодельное взрывное устройство. Конечно, корней для шагов каждого из почти трех десятков бойцов не хватало, все-таки корни ели, хотя и всегда растут близко к поверхности, предпочитают тянуться все же под землей, а не по земле. Там, где не было корня, чтобы на него наступить, приходилось смотреть под ноги особенно тщательно. Трава была невысокая, но густая, и скрыть мину в ней было возможно, хотя если установили ее не так давно, то трава вокруг обязательно была бы примята. Но мину могли установить и давно, еще, предположим, весной, когда трава была намного ниже или ее вообще еще не было. Была поросль, вытаявшая из-под снега, местами зеленая, а больше жухлая и ломкая. Если мину установили предположительно весной, она заросла травой, и найти ее без миноискателя или хотя бы без примитивного щупа было сложно. Но щупов на всех не напасешься, миноискателей – тем более. И потому полагаться приходилось на свои глаза и на опыт. Бойцы знали места, в которых мину установить проще и где она будет наименее заметна.

Так все и произошло.

– Есть мина! Передайте командиру!

Сообщение моментально пролетело по цепочке до ручья. Старший лейтенант Раскатов, идущий по самой кромке воды, осмотрелся, кивнул каким-то своим мыслям и дал команду:

– Не трогать! Сапера ко мне!

Команда разрядами электрического тока пробежала по человеческой цепи. Взводного сапера младшего сержанта контрактной службы Иванникова вызвали с другого склона. Младший сержант прибежал не запыхавшись – и не в гору бежал, и под ноги себе смотрел, и потому не несся сломя голову. Понимал, что такое мера предосторожности.

– Пойдем!

Объяснять младшему сержанту ситуацию необходимости не было.

По склону поднимались цепи солдат, по уже пройденному и проверенному участку, чтобы самим случайно на мину не нарваться. Старший лейтенант в своих солдатах был уверен и хорошо знал, что если они ничего не нашли, то там ничего и нет. Так и добрались до места, где солдаты обнаружили мину. Цепочка вперед пока не продвигалась. Ждали решения командира.

– Создать дистанцию! Иванников, работай не торопясь.

Старший лейтенант Раскатов сам не выносил, когда у него за спиной во время работы кто-то стоит и наблюдает. А потому не стал мешать младшему сержанту, свое дело знающему до тонкостей, работать. Отошел вместе с солдатами. Ждать пришлось недолго. Иванников выпрямился и показал вывинченный взрыватель.

Командир взвода подошел, повертел взрыватель в пальцах, отдал саперу – может, когда-то сгодится.

– СВУ?¹

– Так точно, товарищ старший лейтенант, СВУ. Но мощно сделано. Не меньше пяти килограммов ВВ². Взрыватель фабричный. Английский, старый. По моим данным, такие в последнее время используются террористами в Сирии. Только там больше пластитом³ пользуются, а у нас, по старинке, тротилом и гексогеном. Хотя в пластите тоже много гексогена. Все остальное у нас самопальное. Упаковано в разрезанную канистру. Канистра простая, металлическая, самая дешевая. Осколки из рубленых ржавых гвоздей. И не лень кому-то было рубить их? Могли бы просто мелких болтов с шайбами и гаек купить, как другие делают. Может, чтобы ржавчина осталась? Говорят, от ржавчины гангрена бывает и столбняк. Чуть поцарапает, потом судороги начинаются. А царапину не каждый даже обрабатывать будет.

– Все может быть, – согласился командир взвода, знающий привычку сапера делать все не спеша, медленно говорить и не раздражающийся этой манерой. Саперу положено быть неторопливым в силу специфики своей службы. Иметь во взводе торопливого сапера – это то же самое, что ездить по кроссовой трассе на жестком внедорожнике и подкладывать под сиденье коробку со взрывателями. – Но мы сами понять, для чего именно ржавые гвозди используются, все одно, Иванников, не сможем. И не будем время терять на гадание. Внимание! Ищем что-нибудь поблизости. Могут быть еще мины, может быть «нора». «Нора» должна быть обязательно. Крысы в лесу всегда норы копают...

* * *

Вторую половину взвода, занятую поиском на противоположном склоне, старший лейтенант снимать не стал. Если мина на этой стороне, еще нет гарантии, что именно здесь можно найти еще что-нибудь интересное. Пусть ищут. Но уже тот факт, что мина нашлась, причем неармейская, нестандартная, которая могла бы остаться даже с любой из двух чеченских войн,

¹ СВУ – самодельное взрывное устройство.

² ВВ – взрывчатое вещество.

³ Пластит – бризантное взрывчатое вещество, обладающее пластическими качествами.

отголоски которых и сюда, на приграничную с Чечней территорию Дагестана, докатывались, имел значение. Не бывало такого, чтобы птицы приносили в лес самодельные взрывные устройства. Кто-то его устанавливал, и не просто так, ради развлечения, чтобы отучить детей по лесу гулять, и не охотник в надежде медведя завалить и потом соскребать по кусочку с деревьев. Даже бандиты просто так взрывное устройство устанавливать не будут. Любая мина, любое СВУ – это сторож, перекрывающий подступ к чему-то. Надо только как следует поискать и найти – к чему.

Чем взвод и занялся. Вторая мина нашлась вскоре. Позвали уже не командира, а сразу младшего сержанта:

– Иванников! Работа для тебя! Обслужи...

Младший сержант не торопился, тем не менее обслужил быстро. И показал Раскатову второй взрыватель, извлеченный из СВУ.

– Аналог. Все, как в первый раз...

И, не дожидаясь командира, оглянувшись, провел мысленную линию от одной мины к другой, определил центр этой линии и примерно показал:

– Там должна быть третья.

Старший лейтенант согласно кивнул:

– Ищи.

Он уже и сам, пока младший сержант занимался разминированием, мысленно определил расположение третьей мины. Обычно так бывает, что мысленно прочерченная линия – это только одна сторона правильного треугольника, по углам которого мины и расставляются. Определить вершину этого треугольника несложно. Кто-то разрабатывал для бандитов инструкции и методические пособия по установке мин. И они придерживались этих установок. Не всегда, но чаще придерживались, чем не придерживались. Если будет третья мина, значит, дальше должно быть еще что-то. Или заминированный схорон с оружием и боеприпасами, или «нора», в которой сидят бандиты и наблюдают сейчас за тем, как к ним подбирается спецназ.

Лес ограничивал обзорность. Ельник достаточно густой, хотя каменистых полян-пропешин на склоне немало. Найти что-то, исходя из уже найденного, можно только метров через сорок-пятьдесят. Тогда и самих спецназовцев можно будет хорошо рассмотреть, и они смогут увидеть что-нибудь из того, что ищут. И потому Раскатов загодя дал команду:

– Всем! Предельная внимательность. Здесь могут быть бандиты. Стрелять на движение, даже если это будет заяц. Потом разберемся, какой он национальности.

– Товарищ старший лейтенант, есть третья! – негромко сообщил младший сержант Иванников. – Точно там, где я и искал.

– Работай!

Геометрия минных заграждений начала выстраиваться в голове старшего лейтенанта. Одна школа, которую прошли бандиты, давала дополнительные козыри в руки разведчикам. Большинство методических пособий создавалось в Чечне под руководством ныне благополучно горящего в аду иорданца Хаттаба. Сам Хаттаб проходил обучение у талибов в Афганистане и в Пакистане. Многие из современных бандитов учились или по методическим пособиям самого Хаттаба, или же напрямую у своих южных соседей – талибов. Эти школы были по сути своей едиными. Но их методологию внимательно изучали еще в Советской армии, а потом и в Российской. В Советской – на практике боевых действий в Афганистане, в Российской – на практике боевых действий на Северном Кавказе. И теперь это изучение сгодились. Старший лейтенант Раскатов сам не раз встречался с аналогичным расположением охранных минных полей и знал, где после минного поля искать еще схорон или бункер, обычно называемый «норой». Как правило, схороны не были приспособлены для длительного проживания в них людей. Дня два-три от силы там прожить было можно, но не более. А вот «норы» обору-

довались и бетонированными стенами, и средствами наблюдения, и, о чем невозможно было забыть, запасными выходами. Это знали и все солдаты. И знали, что им следует искать.

Автоматные очереди ударили внезапно. Стреляли солдаты, и стрелять начали с пояса, о чем говорили относительно длинные первые очереди в четыре, а то и в пять патронов. Стреляли одновременно пять автоматов, что Раскатов сразу вычислил по звуку.

Обстановку командир взвода оценил сразу и правильно. Видимо, в «норе» были люди – они или услышали, или просто почувствовали движение наверху и попытались выглянуть в люк. Наверное, ожидали увидеть кого угодно, только не разведчиков-поисковиков. Но увидеть сумели, а вот рассмотреть получилось – едва ли. Не зря Раскатов предупреждал своих солдат. Он сам обучал их рассеянному взгляду. Когда взгляд сконцентрирован на какой-то конкретной точке, трудно бывает сильно активизировать периферийное зрение. Это у животных сетчатка глаза устроена так, что они одинаково видят и прямо перед собой, и боковым зрением. И только в момент наивысшего внимания или агрессии смотрят прямо. Почему и не рекомендуется, например, смотреть в глаза агрессивным неуступчивым собакам. Они видят в прямом взгляде агрессию. У людей все не так. Человеку, чтобы что-то увидеть, нужно смотреть прямо, а боковым зрением он может увидеть только движение, и то очень смазанно. При этом большинство людей умеет видеть происходящее исключительно в секторе ста шестидесяти градусов. Но это не беда. Довольно легко научиться захватывать сектор сначала в сто восемьдесят градусов, а потом и в двести. Некоторые особо талантливые «смотрельщики» и больший сектор охватывают. Конечно, такой взгляд, без концентрации, мешает проводить конкретный поиск. Тем не менее помогает контролировать ситуацию вокруг. Солдаты и проконтролировали ее. Контролировали все. Но, видимо, конфигурация местности была такова, что из всех только пять человек, должно быть, увидели, как поднялся замаскированный под почву или, скорее, под камни схорон. Кто-то высунулся, чтобы посмотреть, что происходит снаружи, или ствол оружия попытался высунуть, чтобы дать очередь по противнику, и тут же раздалось пять очередей. При той тренированности в стрельбе на опережение событий, что была у солдат взвода спецназа ГРУ, они даже с пояса, с дистанции ближнего боя, из пяти пуль три положат в цель. А когда стреляет пять человек одновременно, с разных точек, можно и не сомневаться – человек, или даже несколько человек, которые пытались высунуться, уже больше никогда не сумеют увидеть, что происходит снаружи.

Старший лейтенант сразу двинулся в сторону, куда стреляли. Когда стреляют с разных точек, определить расположение цели бывает нетрудно. Раскатов двигался так же размеренно, как и раньше, понимая, что далеко не всегда базы бандитов охраняются стандартными системами. Да и «растяжки» в дополнение к взрывным устройствам ставятся часто. Точно так же, не спеша, двигались и солдаты. Причем только те пять человек, которые стреляли, остальные, зная, что любой подземный бункер, кроме схрона, обычно имеет запасные выходы где-то неподалеку, продолжали поиск. И такая тактика себя оправдала. Еще три автомата заговорили одновременно. Опять стреляли с пояса. Значит, открылся запасной выход.

К первому выходу старший лейтенант Раскатов приблизился одновременно с солдатами.

– Что было? – спросил вполголоса.

– Люк открылся, человек высунулся.

– И что?

Командира интересовали подробности.

– Без головы остался. Никто не промахнулся, – объяснил командир второго отделения младший сержант Сыромолотов. – С пяти стволов стреляли, с разных сторон. Дистанция хорошая. Трудно промахнуться.

Вокруг люка собрались шестером. Пять стволов приготовились. Старший лейтенант одной рукой держал свой автомат, второй подцепил неровно упавшую крышку люка, которая и показала его точное местонахождение.

Поднял глаза, проверяя готовность солдат. На каждый взгляд солдаты отвечали кивком. Конечно, мала была вероятность, что там, за люком, есть еще кто-то, кроме человека, которому пятью очередями разнесли голову. Тем не менее момент был напряженным, как любой момент проникновения в помещение, занятое противником.

Люк был сплетенным из еловых ветвей, связанных тонкими еловыми корнями⁴, поверху проложен целлофаном, а поверх целлофана был уложен дерн. Причем так плотно и умело уложен, что можно было пройти поверху и не почувствовать под ногами пустоту. Крышку удалось рассмотреть только после того, как старший лейтенант взялся за угол рукой.

С силой потянув, потому что веса в крышке было немало, Раскатов рывком отбросил ее. Автоматные стволы и солдат, и самого старшего лейтенанта сразу, словно кого-то сбивая, направились вниз, а указательные пальцы напряженно держались за спусковые крючки, готовые резко сократить мышцы, чтобы заставить ствол плевать пулями. Но стрелять было не в кого. Внизу, на земляной площадке под люком, лежал человек, практически лишенный головы, остатки которой пули размазали по черной и уже подгнившей дощатой обшивке выхода.

Раскатов приготовил гранату, включил тактический фонарь, закрепленный чуть сзади и чуть правее подствольника, и сделал знак солдатам. Они быстро рассредоточились вокруг входа, готовые стрелять вниз со всех сторон, страхуя своего командира. Он спрыгнул, поставив одну ногу рядом с убитым бандитом – между его рукой и телом, а вторую пришлось поставить прямо на залитую кровью грудь. Луч фонаря быстро пробежал по пространству под ногами. Причем Раскатов легко определил высоту прохода и одновременно высоту человеческих глаз, если кто-то будет смотреть на него. Скорректировал высоту направления луча, чтобы при необходимости ослепить человека и не дать ему произвести прицельный выстрел. Но рядом никого не оказалось. Конечно, старший лейтенант рисковал, спрыгивая в проход. Окажись там кто-то, он вполне имел время для того, чтобы встретить незваных гостей выстрелами. Вообще-то в таких случаях обычно сначала бросается граната, и только потом происходит проникновение. Однако в этот раз что-то говорило Раскатову, что гранату бросать не следует. Может быть, интуиция, может быть, чтение сводок за последнее время. А в сводках уже дважды появлялись сведения о том, что в подобных ситуациях бандиты выставляли рядом с люками пленников или заложников, часто не брезгуя использовать женщин или детей из ближайшего села. Это делалось для того, чтобы потом поднять скандал в зарубежной прессе, неизвестно из каких источников получающей информацию о том, как федералы уничтожают женщин и детей. Точно так все оказалось и в этот раз. Едва Раскатов спрыгнул и дальше посветил фонариком туда, где должен был, по его мнению, находиться проход, как увидел крупного человека, привязанного к столбу-подпорке у земляной стены. Человек тоже, видимо, знал привычку федералов сначала обезопасить себя броском гранаты и только потом двигаться вперед. И потому истерично пытался спрятаться хотя бы одним боком за столб, к которому он был привязан, хотя тот не смог бы прикрыть даже четверть его большого тела. Окажись он в положении этого пленника, старший лейтенант попытался бы просто своротить сам столб, пользуясь тем, что он ни к чему не крепится и только вбит между двумя досками по торцам – сверху и снизу. Но пленник или не сумел этого сделать, хотя внешне выглядел сильным, или просто не догадался. Луч фонарика сразу высветил погоны с подполковничьими звездочками.

– За мной! – дал команду Раскатов.

Пятеро солдат сразу спрыгнули к нему.

– Освободите пленника.

⁴ Тонкие и эластичные еловые корни способны выдержать значительную нагрузку. Еще викинги, не зная, что такое гвоздь, связывали ясеневые доски своих драккаров еловыми корнями, которые выдерживали самые тяжелые удары океанских волн, и совершали на таких судах длительные путешествия.

Сам командир взвода уже нашел угол поворота и высунул за него автомат и фонарь, не высовываясь сам. Одновременно с этим откуда-то из коридора донесся звук взрыва гранаты. Нетрудно было предположить, что бойцы, обнаружившие второй выход, сначала все же бросили гранату и только потом начали спускаться. Наверное, это было правильно. И заставлять солдат рисковать своей жизнью, спускаясь так, как спускался сам Раскатов, командир взвода не имел права.

Ветер вместе с пылью пролетел по проходу, обдав старшего лейтенанта и солдат запахом пороховой гари.

Когда солдаты зашли со второй стороны, стрелять в темноту было просто опасно, чтобы не попасть в своих же.

Не получив встречную автоматную очередь на появление из-за угла луча фонаря, Раскатов обернулся к только что освобожденному пленнику. Тот, растерев еще туго стянутые срезанной веревкой кисти, сорвал со рта широкую полосу скотча. Срывал резко, хотя это было, наверное, больно, потому что скотч приклеился к бороде и усам. За время плена подполковника никто, скорее всего, не водил в парикмахерскую, чтобы побриться.

– Сколько там человек? – спросил Раскатов.

– Только двое оставалось. Остальные ушли три дня назад.

– Кто? – спросил старший лейтенант. – Командир у бандитов кто?

– Улугбеков.

– Хамид?

– Эмир Хамид. Убери фонарь. Я ослепну. Уже ослеп...

– Выходи наружу. Выходите... – добавил старший лейтенант последнее слово, исправляя свое требование, памятуя, что только что видел подполковничьи погоны. Как он сумел рассмотреть за короткое мгновение, кажется, ментовские. А старших по званию Раскатов привык уважать.

– Вперед! И крикните парням на той стороне, чтобы не стреляли, – дал команду солдатам командир взвода. – Общайтесь громко...

Пленный подполковник полез к солнечному свету, морщась и щурясь, словно крот.

Раскатов помог ему выбраться и сам выбрался следом. На свету рассмотрел, что это в самом деле был подполковник полиции с одним-единственным погоном на плече. Второй был вырван с корнем, и, видимо, давно.

– Документы ваши? – спросил старший лейтенант. – Хотя я понимаю...

– Правильно понимаешь, старлей. Документы у меня еще полгода назад забрали. Думаю, они все еще у Улугбекова. Он может как-то их использовать.

– Представьтесь, – потребовал командир взвода спецназа ГРУ, понимая, что под видом пленника может скрываться кто угодно, хотя кто угодно мог бы и не пожелать подставляться под возможный и даже вероятный бросок гранаты сверху. Никто не мог предположить, что старший лейтенант Раскатов пожелает сам спуститься, рискуя нарваться на очередь, и не бросить гранату.

Но подполковник полиции тоже ситуацию понимал и потому спокойно отнесся к недоверию старшего лейтенанта. И требование выполнил без колебаний:

– Подполковник полиции Джабраилов. Анзор Вахович меня зовут. Я уже полгода в плену у этих бандитов. Поехал сюда, в Дагестан, на свадьбу родственников. Мы целой группой ехали. Доехать не успел. Меня звонком назад отозвали. Срочное мероприятие. Я семью, она со мной была – жена, две дочери, два сына, – по другим машинам рассадил, а сам назад направился. И нарвался на бандитов. Где-то на самой границе. Может, уже и в самой Чечне. Так мне, по крайней мере, показалось. Эмир Хамид иногда и к нам заглядывал. В приграничные районы.

– Я слышал, – согласился Раскатов. – Я за этой бандой уже четыре месяца гоняюсь. Никак поймать не удается. Только следы с опозданием рассматриваю. Сегодня вот опять не удалось.

Было подозрение, что это их база, и потому мой взвод по тревоге подняли. У меня есть конкретный приказ по поимке эмира Улугбекова. Оказалось, опять напрасно нас погнали. Куда они ушли?

– Мне не докладывали. Впечатление такое, что очень торопились. Они на аварском разговаривали. Я аварский плохо понимаю. А чем он так насолил вашему командованию?

– Как вам эмир свой маршрут не доложил, так и мне командование свои соображения не выкладывает. А специально влезать в интересы командования для здоровья вредно. Иногда даже небезопасно. Такая уж у нас служба.

– Наслышан. Любопытство карается.

– Так точно. По всей строгости военного времени, поскольку мы постоянно находимся на военном положении, как средства ПВО и войска стратегического назначения.

– Как и полиция.

– Возможно. Только для полиции нет разницы, военное время или нет. Хотя я мало знаком со спецификой вашей службы. Но здесь, на Северном Кавказе, вы, думается, постоянно на военном положении. Сколько человек с эмиром?

– Двенадцать. Вместе с Хамидом.

Раскатов вытащил трубку и позвонил смежникам, блокирующим верхний выход из ущелья. Там же, со своими подчиненными, был и майор Еремеев из спецназа ФСБ, осуществляющий общее командование операцией. Старший лейтенант доложил обстановку. Предложил спустаться на место, но предупредил о наличии мин:

– Осторожнее. Три мины мы сняли. Наверняка осталось больше трех. Лучше идите по руслу ручья. Там безопаснее. И там вы уже проходили.

– Мы идем, – пообещал Еремеев. – Как, говоришь, фамилия подполковника?

– Подполковник Джабраилов, зовут его Анзор Вахович.

– Я сейчас позвоню для проверки.

– Сразу следственную бригаду, товарищ майор, запросите. Мы только поверхностный осмотр в «норе» проведем. На случай мины-ловушки или еще какой-нибудь гадости. Чтобы «следакам» руки не поотрывало. У нас сапер опытный. Все проверит.

– Действуй, старлей. Этот пленник не знает, в какую сторону эмир Хамид направился?

– Говорит, что не знает. Бандиты, что с пленником оставались, убиты...

Глава первая

Рядом с освобожденным подполковником старший лейтенант оставил пару солдат, зная, что они и не нахамят откровенно, не станут сильно плевать в измозоленную пленом душу подполковника и не позволят Джабраилу ничего лишнего, если он пожелает власть своего единственного погона проявить. А сам позвал младшего сержанта Иванникова и спустился вместе с ним в люк.

– Полностью проверь, что проверить возможно. Хотя я и не слышал, чтобы эмир Хамид на мины-ловушки горазд был, тем не менее...

– Понял, товарищ старший лейтенант. Сделаю...

Солдат, которые, войдя с двух сторон, должны были встретиться где-то в середине коридора, командир взвода даже предупредить не стал. Они все воспитаны казармой спецназа ГРУ, а эта казарма – особый, требовательный и жесткий воспитатель, и другого такого во всей Российской армии не найдешь. Но именно жесткость воспитательных мер и методов очень быстро отучает солдат совать руки туда, куда их совать не следует. Лежит, к примеру, свернутая трубочкой газета на подоконнике. Почему бы не взять и не посмотреть, какие очередные глупости там пишут! Берешь неразумно в руки, и тут же срабатывает установленный специалистом легкий взрывпакет. Грохот на всю казарму, испуг в лице солдата, не самые легкие и, кажется, не совсем лестные слова из уст сослуживцев. И только потом уже следуют объяснения, что в боевой обстановке взорваться может даже цветок ромашки, который вздумаешь понюхать. И после пары взрывов и двух попаданий на казарменные имитаторы «растяжек» солдат никогда уже не будет тянуть руки туда, куда его тянуть не просят, и всегда будет под ноги смотреть внимательно. Это своего рода дополнительный спецназовский «карантин», до прохождения которого солдата в бой командир просто не возьмет. В бой берут того, кто себя не подставит и товарищей не подведет желанием удовлетворить свое любопытство. И всегда будет смотреть вокруг и под ноги внимательно. А уж что под ногами следует видеть, на что следует обращать внимание и даже как ступать в местах, где возможна установка мин и «растяжек» – все это объяснят и сам командир взвода, и старшие по сроку службы солдаты. За любые неприятности, случившиеся с молодыми солдатами, спрашивают с командира взвода. Строго спрашивают, как не спрашивают за старослужащих и контрактников. А он, в свою очередь, так же строго спрашивает со старослужащих. И потому учат молодых и командир, и старослужащие. А жесткое обучение всегда и быстро дает результат. Главное, чтобы жесткое обучение не переросло в жестокое и не вызывало внутри взвода даже неприязнь. В бой локоть о локоть должны идти близкие по духу и доверяющие друг другу люди.

Подземный бункер не имел бетонных перекрытий, какие тоже иногда встречаются. Здесь все было попроще. Вырыли, видимо, ямы для различных помещений и перехода, уложили поверху настил, а для маскировки прикрыли дерном. Перекрытия снизу подперли столбами чуть выше человеческого роста. Технология несложная и доступная. Только, видимо, лес пилили и рубили где-то вдалеке, а потом сюда доставляли, чтобы не выдать место строительства базы.

Поставив переключатель луча тактического фонаря на градацию рассеянного лунного света, старший лейтенант Раскатов обошел, освещая себе путь, все помещения, которые, как он уже понял, предварительно были осмотрены солдатами на предмет нахождения в них еще кого-то из бандитов. Раскатов, во-первых, не передал солдатам сообщение о наличии на базе всего двух бандитов, во-вторых, пленник мог и не знать о присутствии кого-то еще, в-третьих, уже после того, как пленник видел двоих, мог появиться кто-то третий и четвертый. И тогда был риск получить очередь в спину. Поэтому во взводе всегда придерживались обязательного правила – проверять лично любое подобное сообщение.

Практика показывала, что это была нелишняя безопасность. Солдаты собрались в среднем зале, самом большом из трех. Там даже восемь кроватей было выставлено в два яруса. Конечно, это были не кровати, а простые нары, но само понятие «нары» давно уже вышло из обиходного языка, и многие солдаты могли его просто не знать. И потому Раскатов оперировал всем понятными терминами.

Выслушав доклад командира отделения – младшего сержанта Тарасова, старший лейтенант задал только один вопрос:

– Еще выходы есть?

– Так точно, – сообщил командир отделения. – Только он заминирован на случай попытки вскрытия сверху.

– Хорошо. Четко отработали. Отдыхайте. Ждите, когда следственная бригада прилетит. До прилета следователей и экспертов ничего не трогать. Я пока остальные помещения осмотрю.

– Один зал остался, – сказал младший сержант. – Самый маленький. Похож на кабинет командира. Даже со своим письменным столом... Из ящиков сделан... А следователи... Товарищ старший лейтенант, там снайперская винтовка...

– Где?

– В командирском кабинете была.

– И куда ушла?

Младший сержант быстро обернулся, взял с соседних нар, оставшихся неосвещенными, снайперскую винтовку и показал командиру взвода.

– Трофей полезный... Лучше нам, чем следователям для охоты...

Старший лейтенант одобрительно кивнул:

– Передай Юровских. Пусть пока у него будет. Он умеет пользоваться с толком.

Старший сержант Юровских, заместитель командира взвода, был вообще лучшим во взводе стрелком из любого оружия. И с оптическим прицелом знаком с детства, поскольку был сыном профессионального уральского охотника.

А Раскатов двинулся по коридору дальше. Командирский кабинет находился рядом. Искать там что-то было бесполезно, потому что снайперскую винтовку солдаты уже нашли, а все остальное может заинтересовать следователей, и старший лейтенант своим любопытством мог просто вырвать нечаянно какое-то недостающее звено у следствия. А он этого делать не хотел. Но кабинет осмотреть все равно было необходимо, потому что он всегда хоть что-то говорит о своем хозяине. Старший лейтенант осмотрел все: и стол, и полки у стен. Из необычного увидел только большой запас нераспечатанных колод игральных карт и две шахматные доски. Это, как ему казалось, были атрибуты скорее арсенала пенсионеров набережной в Сухуми, чем бандитского эмира.

После осмотра «кабинета» старший лейтенант Раскатов прошел ко второму выходу, который еще не успел осмотреть. Там лежало тело второго бандита, убитого точно так же, как первый, выстрелами в голову, то есть в единственную доступную для стрельбы цель.

У убитого была неумело перевязана рука. Перевязка была старой, и бинты пропитаны кровью. Видимо, бандит был ранен раньше, и потому эмир Хамид не взял его с собой на новое «дело», оставив в качестве охранника базы и пленника.

Старший лейтенант выбрался наружу через второй выход и вернулся к первому, где на траве, не опасаясь клещей, которых в этом году было великое множество, развалился подполковник полиции Джабраилов. Солдаты стояли чуть в стороне, симметрично прислонившись плечами к стволу старой и сильной сосны. Один присматривал за подполковником, второй смотрел по сторонам, контролируя ситуацию вокруг. Позицию солдат старший лейтенант отметил издали, посчитав ее правильной в данной ситуации. Никто не знал, когда вернется банда Улугбекова, а постов у себя за спиной взвод не выставлял.

– Товарищ подполковник, что за люди с вами оставались? – спросил Раскатов.

Джабраилов лежа передернул плечами.

– Бандиты, что еще про них сказать.

– Один из них в перевязке...

– Да, его дней десять назад подстрелили. А у второго язва открылась. Потому их и оставили. Несколько раз меня вообще одного оставляли, связанного, когда уходили. Как-то три дня пролежал без еды и воды. Язык распух. В этот раз проще было.

– Что они в ручье делали сегодня? Откуда в воде масляные пятна?

Подполковник опять плечами передернул.

– Обычное дело. Бытовуха. Посуду мыли. Эмир Хамид болезненно чистоплотный человек и от своих бойцов того же требует. Он может расстрелять за грязь на кухне. Говорят, такое было с прежним поваром. Хамид вообще на поступки скор.

Со стороны послышались громкий окрик и громкий ответ. Старший лейтенант понял, что солдаты встретили спецназ ФСБ и полиции, который спешил спуститься к ним. И почти одновременно в небе над спецназом ГРУ послышался звук вертолетного двигателя. Наверное, следственная бригада прилетела. Но в узком ущелье посадить вертолет невозможно. Пусть садятся там, где садились вертолеты доставки спецназа. Идти недалеко, а светлое время закончится еще не скоро. Есть возможность успеть добраться, не ломая на камнях и корнях ног в темноте...

* * *

– Как настроение, старлей? – спросил майор Еременко, когда Раскатов вышел ему навстречу. – У вас здесь благодать, тепло. А поверху ветер боковой гуляет. Ледяной, все тело иголками прошивает.

– Какое уж тут настроение, товарищ майор, – довольно кисло отозвался командир взвода. – Комары все уши обглодали. Это все удовольствие от нашего тепла. Наверху там комаров быть не должно. Там леса нет.

– Нет там ни леса, ни комаров. – Майор шлепнул себя по щеке, с легкой истеричностью шарахаясь и отбиваясь от комара.

Внешне пощечина выглядела оплеухой. Старший лейтенант избегал таких резких движений и спокойно поймал этого самого комара, улизнувшего от ладони майора, в свою ладонь.

– Где подполковник? – спросил Еременко.

– Тридцать шагов вверх по склону, товарищ майор. Поднимайтесь, я пока посты в тылах выставлю. Кто знает, когда Улугбеков пожелает вернуться. На вашей дороге взрывных устройств быть не должно, но будьте на всякий случай осторожны. Мы уже семь штук сняли. И четыре «растяжки». Эмир Хамид о своей безопасности беспокоился.

– Действуй, выставляй и подходи.

Майор в сопровождении двух офицеров резко двинулся вверх по склону. Старший лейтенант Раскатов спустился к ручью, где сконцентрировались два отделения его взвода, и выслал в сторону выхода из ущелья вдвоенные посты, по три на каждый склон. Не забыл предупредить о возможном скором появлении оперативников из следственной бригады. Не хватало только своих смежников принять за бандитов и перестрелять. Но в Следственном комитете сотрудники редко носят бороды, а бандиты, напротив, редко бороды не носят. И это основное различие между ними при взгляде издали. Хотя порой в следственной бригаде встречается кто-то и в темно-синем профессиональном мундире. Это, конечно, упрощает задачу идентификации.

Следственную бригаду Раскатов приказал пропустить, не афишируя себя. Аналогичный приказ был дан и в случае приближения банды эмира Хамида. Ее следовало пропустить, предупредительно сообщив, чтобы иметь возможность подготовиться к встрече. Дополнительно были выставлены и одиночные посты примерно на половине охраняемой дистанции.

И только после этого старший лейтенант пошел за майором Еремеевко. Тот уже закончил допрос освобожденного подполковника полиции и, освободив место, гостеприимным жестом пригласил Раскатова ближе:

- Если у тебя, старлей, есть вопросы к Анзору Ваховичу, он готов ответить.
- Есть.

У Раскатова не могло не быть вопросов к человеку, который целых полгода общался с Хамидом Улугбековым, бандитом, которого ему поручили поймать или уничтожить. А информация из первых рук всегда бывает самая верная...

* * *

– Что я могу тебе про него сказать? Парадоксальная личность, и никогда не знаешь, чего от него ждать. Вообще-то почти интеллигент. Бывший преподаватель истории из университета, кажется, даже какую-то ученую степень имеет. Или имел, не знаю. Но интеллигенты тоже разными бывают. Я знал одного интеллигента у нас, в Чечне, который в Первую войну с Россией специализировался на отрезании голов живым людям. В жизни же был интеллигентнейший человек, стихи писал. А Улугбеков два месяца со мной на «вы» разговаривал. С пленником, которого убить предстоит. Потом только перешел на «ты», во время застолья, когда и меня за стол усадил, чтобы я несильно по дому скучал. Главная черта его характера – наверное, подозрительность. Хамид Улугбеков не просто подозрителен и недоверчив, он болезненно подозрителен. Может быть, даже до паранойи. Не верит никому, даже своему ближайшему окружению. И вместе с тем чего у него не отнять никакими силами, человек он с чрезвычайно развитой интуицией. Опасность начинает чувствовать за несколько дней и всегда предпринимает меры, чтобы ее избежать. Именно поэтому его так долго не могут ни захватить, ни уничтожить. Причем нельзя не заметить, что его интуиция сказывается не только при опасности. Даже в самых простых вещах. Он не просто заядлый картежник. Он за счет своей интуиции чувствует, какая карта идет из прикупа, и чаще выигрывает, чем проигрывает. Он точно так же, как карту, всегда чувствует человека, с которым общается.

Бывший пленник рассказывал о своем пленителе уважительно. Вообще этот плен подполковника Джабраилова выглядел каким-то странным. Я впервые слышал, чтобы банда держала у себя человека такой длительный срок. Обычно после двух месяцев плена, если человека не продают в рабство и не получают за него выкупа, то просто расстреливают. В рабство подполковника полиции никто продать не собирался. Это он сам сказал. И вообще в рабство обычно продают захваченных русских или других христиан, тех же самых грузин или армян, но практически никогда – мусульман. Это кавказский уровень отношений, который и не снился кичащейся своей цивилизацией Европе. Сумма, которую эмир Хамид запросил для выкупа Джабраилова, оказалась слишком большой, чтобы его семья смогла ее выплатить. Это узнал майор Еремеевко по своим каналам. Но Улугбеков по какой-то причине не стал расстреливать Анзора Ваховича, предпочитая держать его при себе. Это было непонятно еще в большей степени, чем непонятно описание эмира Хамида, прозвучавшее из уст полицейского подполковника.

– Как чувствует? – внимательно спросил старший лейтенант спецназа ГРУ. – Он чувствует от человека опасность? А если эта опасность надуманная? Или он просто телепат и чужие мысли читает?

Подполковник Джабраилов привычно уже для взгляда Раскатова передернул плечами, подчеркивая этим жестом собственную неуверенность в произнесенных словах. Он вообще в своих утверждениях уверенности не показывал даже тоном.

– Он чувствует, как я понимаю, на что человек способен и чего от него можно ждать, чувствует отношение человека к себе. И ведет себя с ним соответственно.

– К вам, товарищ подполковник, он чувствовал, как я понял, большую симпатию! Наверное, это взамен вашей симпатии к нему? – в голосе спецназовца сквозило неодобрение.

– Не забывайся, старлей! – строго прикрикнул на военного разведчика подполковник чеченской полиции. – Не пытайся почувствовать себя ровней только потому, что у тебя звездочек на погонах больше. Звездочки у тебя другого калибра. У нас с эмиром Хамидом был общий интерес. Общая страсть, я бы сказал, – преферанс. Он большой любитель «пульку» расписать. И берет к себе в отряд только игроков. Все у него играют. Ты, кстати, играешь?

– Бывает. Но игрок из меня средний. Практики мало. Хотя бывают и удачные дни. И тоже, честно говоря, играю больше за счет интуиции. – Старший лейтенант Раскатов попытался смягчить тон разговора, который сам же вывел своим вопросом на повышенные тона. Просто он ментов не любил, тем более ментов чеченских, которые сами ничуть не лучше бандитов и пришли в МВД работать после того, как побывали в бандах. – Мне все знакомые говорят, что так играть нельзя, что так не бывает, что это случайность, когда я выбираюсь, если с двумя «проколами» на руках иду на мизер. Но в итоге прикуп один «прокол» прикрывает, второй я просто «сношу» и играю чисто. Или второй «прокол» по раскладу не проигрывается. Такое тоже бывало.

– Я такие мизера не играю, – со вздохом, но категорично сознался подполковник и неодобрительно пошевелил животом, который за полгода плена, надо думать, вдвое уменьшился, тем не менее все еще являлся самой заметной частью его бесформенного тела. – Это несерьезно. Это непрофессионально, в конце концов.

– А я разве говорил, что я профессиональный картежник? – удивился Раскатов.

Джабраилов нахмурился и о чем-то задумался.

– Кроме того, он любит поговорить, пофилософствовать. Но это только в том случае, если он к человеку расположен. Интеллект у эмира мощнейший. Но ему необходимо, чтобы его слушали. Это привычка преподавателя. Мне постоянно казалось, что он на меня, как на студента, иногда прикрикнуть хочет. Но умные вещи говорит и сразу понимает, если вопрос, скажем, просто так задают, не вникая в суть сказанного. Сразу сердится и начинает человека подозревать во всех смертных грехах. Много знает, много читал когда-то. Сейчас из Интернета не выбирается. Под разными «никами» на разных форумах сидит. И на исторических, и на философских. Читает материалы, спорит там. А вообще, – вдруг вернулся мент к началу разговора, – честно говоря, я сам ломал голову над тем, почему меня держат. Думаешь, я не устал от плена? Днем за мной присматривали. На ночь связывали руки и ноги, если в карты не играли. Но насчет общей страсти, это я так... Для красного словца... Не понимаю я всей этой истории, честное слово, не понимаю...

– Я не понимаю тем более и не вижу в вашей истории зацепки, которая поможет мне поймать эмира Хамида, – сказал старший лейтенант. – И потому давайте к другой теме перейдем. За полгода, как я понимаю, эмир Хамид не однажды выходил на «дело». Сколько дней обычно длится его экспедиция?

– По-разному. Однажды почти десять дней отсутствовал. Вернулся измученный и потрепанный. Привел троих раненых. Четвертого раненого принесли. Умер потом без медицинской помощи. Ему в живот несколько пуль попало. Бронежилета на нем в момент перестрелки не оказалось. А пуля в животе, сам знаешь, плохо переваривается. Если нет врача, можно сразу живьем хоронить. Я много таких ранений видел. Не помню случая, чтобы человек без операции выжил. Обычно уходит на три-четыре дня. Однажды только за сутки обернулся. Он, мне кажется, не любит работать там, где живет.

– Этот бункер – его постоянное место пребывания?

– Нет. Здесь мы только последние три месяца находились. До этого в другом месте.

– В какую сторону он теперь двинулся, вам, я полагаю, не докладывали.

– Правильно, старлей, полагаешь. Мне не докладывали и со мной не советовались. Могу только сказать, что несколько раз я уловил слово «кровник». По-русски оно более колоритно звучит, чем на наших языках. И многие его произносят на русском. Однажды уловил разговор двух бандитов, в котором несколько раз прозвучало слово «адат», оно одинаково звучит и на вайнахском, и на аварском. Еще несколько раз звучало имя Наташа. От разных людей слышал. Кто это, я не знаю. Особенно часто имя звучало перед самым выходом. Вот, кажется, и все, что я способен предложить в качестве информации. Сам вижу, что это не много и не дает практически ничего для поиска, но, к сожалению, больше ничем обрадовать не могу...

* * *

Получив слишком мало пользы от рассказа освобожденного подполковника полиции, старший лейтенант Раскатов все же передал данные майору Еремеенко, который взялся связаться с антитеррористическим штабом республики и попытаться выяснить хоть что-то относительно возможных «кровников» Улугбекова и о том, кто такая Наташа.

Пока майор налаживал связь, старший лейтенант, включив тактический фонарь, снова спустился в подземный бункер. Просто проверить, как там себя чувствуют солдаты, дожидаящиеся прибытия следственной бригады, и никого внутри не запускающие, ни офицеров спецназа ФСБ, ни офицеров полицейского спецназа.

Солдатам уже надоело сидеть в сыроватом сумраке, где все удовольствия сводились к несравненно меньшему количеству комаров. И потому Раскатов разрешил солдатам выйти, оставив только по посту на одном и на другом проходе. Третий проход так и не открывался и сверху оставался невидимым. Вернувшись вместе с солдатами на поляну, где устроилось командование отрядов ФСБ и полиции, командир взвода увидел бегущего в их сторону солдата. Весть, видимо, была со второй линии постов. Чтобы избежать лишних обращений солдата к присутствующим старшим по званию, Раскатов сам сделал навстречу бегущему с десятков шагов.

– Идут, товарищ старший лейтенант...

– Бандиты или танки? – спросил командир взвода.

Солдат давно знал манеру командира взвода разговаривать и потому ответил без промедления и конкретно:

– Следаки идут, судя по всему. Для бандитов внешне слишком цивилизованные. По крайней мере, так кажется. Прошли мимо первых постов, чуть не по солдатским спинам. Ничего не заметили. Там маскировка хорошая.

– Их кто-то из наших сопровождает?

– Да, послали с ними рядового.

– С какой линии?

Раскатов помнил, что первой линии он приказал пропустить следственную бригаду, оставаясь невидимыми. Это не было даже предосторожностью. Это было учебой, которая в спецназе не прекращается никогда. И даже без очевидной необходимости командир всегда может усложнить задание, чтобы солдаты осваивали все трудные моменты, которые могут им встретиться в другой ситуации. Вот и в этот раз был дан приказ оставаться незамеченными. Это значило, что посты должны хорошо замаскироваться. И пусть им не было важно остаться незамеченными именно сотрудниками Следственного комитета, тем не менее Раскатов такой приказ дал, и в основном с обучающей целью. Видимо, солдаты постарались приказ выполнить на совесть.

– С нашей. С ближней.

– Хорошо. Возвращайся на пост. Со следаками постарайся не встречаться. Даже если на тебя наступят.

– Понял, товарищ старший лейтенант. Я даже кусаться не буду, обещаю.

Солдат развернулся и так же бегом направился в обратную сторону. Бежал при этом правильно, поскольку светлое время суток еще позволяло это сделать: делал длинные скачки от дерева к дереву, наступая на самые толстые корни из всех, что попадались на глаза. Пусть эта территория на предмет взрывных устройств и обследована, но осторожность следует соблюдать всегда. И это тоже было учебой.

– Раскатов! – требовательно позвал майор Еремеенко.

Старший лейтенант поспешил на зов...

Глава вторая

Майор выглядел серьезным, энергичным, воодушевленным и переполненным желанием к действию. И, видимо, от этого чуть ли не радостным.

– Мне сразу дали ответ на запрос. Даже перезванивать не пришлось. В антитеррористическом комитете есть новые данные на Улугбекова, – даже голос командира отряда спецназа ФСБ выказывал чуть ли не его немедленное желание нажать на спусковой крючок.

Счастье явно было на стороне людей эмира Хамида, что их уже застрелили солдаты спецназа ГРУ. А то Еремееenko рвался в бой, и это было понятно даже по его излишне громкому голосу, готовому отдавать боевые команды.

– Слушаю, товарищ майор, – сдержанно ответил старший лейтенант Раскатов, своим спокойствием слегка охлаждая пыл майора.

– Значит, так... Начнем с этой самой Наташи. Это приемная дочь покойного младшего брата эмира Хамида, двадцатилетняя русская девушка. Удочерили ее ребенком, воспитывали по своим традициям и считали почти аваркой. Сам брат умер от рака печени три года назад. Улугбеков, говорят, время от времени помогал семье брата финансово. Крупно помогал, но нерегулярно. Насколько позволяли ему обстоятельства. Однако это только предположение, основанное на слухах и семье брата предъявить обвинения мы не можем. Да и смысла нет. Я, по крайней мере, не вижу смысла, да и поздно уже что-то предпринимать. И ловушку на основе этого материала устроить тоже сложно. Но я думаю, что он помогал.

– Возможный вариант, товарищ майор. Для Кавказа обычное явление. Здесь родственники всегда стараются в трудных обстоятельствах друг другу помогать. Даже при том, что здесь в какой-то мере почти все родственники.

– Да. Видимо, эмир Джумали Ихласов, наверное, тебе известный по кличке Парфюмер, тоже что-то слышал об определенных денежных средствах, которые приходят семье младшего Улугбекова от старшего брата...

– Эмир Джумали Парфюмер? – переспросил Раскатов. – Вот уж кого давно пора уничтожить. Этот уничтожения заслужил больше, чем Улугбеков. Это любой местный житель скажет.

Про эмира Джумали Парфюмера-Ихласова старший лейтенант Раскатов, конечно же, слышал, потому что сводки об обстановке в республике во время командировки на Северный Кавказ читал регулярно. И даже знал, что кличку свою Парфюмер получил не потому, что имеет какое-то отношение к настоящей парфюмерии, и даже не потому, что похож на героя некоторое время назад напумевшего романа и одноименного кинофильма. Просто эмир Джумали однажды публично заявил, что считает одеколон «Цитрусовый» более вкусным напитком, чем французский и даже марочный грузинский коньяк. А уж одеколон «Тройной» всегда лучше медицинского спирта. Поговаривали, что именно из-за пристрастия к одеколону Парфюмер имеет цвет лица, позволяющий при взгляде мельком принять его за негра. А слегка циничная фраза о том, что Аллах верующим мусульманам запрещает пить вино, но не запрещает пить одеколон, настроила против эмира и духовенство, и простых верующих. Сам он, впрочем, считал себя человеком вне веры, не признавал ни законов, ни даже уголовных «понятий», хотя почти половину жизни провел в местах заключения. Понятия Парфюмера о правде отталкивали от него жителей района, где банда орудовала, и во многих селах и поселках нашлись бы желающие показать, где банда прячется. На это при поисковых мероприятиях можно было рассчитывать. Только для проведения поисковых мероприятий еще следовало получить разрешение командования.

– Все они одним миром мазаны. У Улугбекова авторитета в народе больше. Поддержка есть. Парфюмер-Ихласов опирается только на уголовную среду. Готов грабить всех подряд. Тем более у него сейчас положение такое. Ты слышал уже, старлей?

– О чем, товарищ майор?

– Ихласов влез в большие долги, чтобы закупить оружие. Желал стать значимой силой в регионе. А мы на границе перехватили идущий к нему караван. У Джумали большая банда, но добрая пятая часть его людей вооружена кое-как, от охотничьих ружей до пистолетов. И вообще, говорят, нет в банде ВВ⁵. А иметь их Джумали хочет. Он даже специалиста к себе пригласил из Пакистана. Деньги ему платит, получается, ни за что. Правда, есть у него четыре миномета «Поднос»⁶ и большой боезапас к ним. Пару лет назад Парфюмер напал на армейские склады, хотел поживиться стрелковым оружием, но перепутал ангары и смог добыть только минометы и мины. Потом ко взводу охраны подоспела помощь, и эмир Джумали предпочел отступить. Даже взорвать склады у него не получилось из-за отсутствия взрывчатки. Там же, на складах, он сумел отбить у охраны АГС «Пламя»⁷. Время от времени использует. Но боезапас имеет небольшой, потому без толку гранаты не тратит. А теперь еще и долги отдавать надо, на него серьезно наезжают. По нашим данным, финансировали его уголовные авторитеты. Это, видимо, и толкнуло Парфюмера на обострение отношений с эмиром Хамидом.

– Какое обострение?

– Я тебе и рассказываю уже пять минут... – нетерпеливо махнул майор рукой. – Данные получены из аналитического центра. Косвенные, но тем не менее считающиеся почти доказанными. Мы не суд, чтобы косвенные улики отвергать. У нас свои критерии. И вот, на основе выводов аналитического отдела получена информация, что банда эмира Джумали Парфюмера-Ихласова напала на поселок Припрудный. Видимо, была информация, что Улугбеков прислал с курьером деньги для семьи брата. Банда Джумали, как вошла в поселок, сразу направилась к дому Улугбековых. Дома была одна Наташа. Над ней надругались, девушку пытали, но где лежат деньги, она не сказала. Приемная мать, когда вернулась домой, Наташу нашла уже мертвой, но деньги были на месте. Понятно, что Хамид не мог оставить это без внимания. Он сначала не знал, кто напал на поселок, и потому медлил. А когда получил данные, выступил. Думается, он знает, где искать Ихласова.

– А мы знаем? – сразу и напрямую спросил старший лейтенант.

Майор вздохнул совсем непритворно:

– К сожалению, мы знаем только приблизительный район. Точно так же, как было с самим эмиром Хамидом. Но веревочка виться долго не может. Конец у нее все равно есть.

– Это далеко? – слегка напряженно поинтересовался Раскатов.

– От нас семьдесят километров по более-менее проходимым тропам.

Раскатов долго не думал:

– Товарищ майор, мой взвод должен выступить туда. Сначала на разведку. Просто разведка и поиск, и ничего больше. Был бы день, мы бы за несколько часов добрались. Ночью идти тяжелее. Будем там только к утру.

Старший лейтенант посмотрел на него.

– Думаешь, одним взводом с задачей справишься?

– Смотря какая задача, товарищ майор, мне будет поставлена. С разведывательной задачей справлюсь. С боевой – не могу дать никаких гарантий.

– Может, твой взвод усилить моим отрядом? – Майору самому хотелось участвовать в решительных действиях.

⁵ ВВ – взрывчатые вещества.

⁶ Миномет «2Б14» «Поднос», калибр 82 мм, принят на вооружение в 1983 году, предназначен для уничтожения живой силы противника и подавления огневых точек. В походном положении миномет переносится или перевозится в трех выюках массой 17, 13,9 и 16,2 кг. Состоит из ствола, лафета-двуноги с подъемными и поворотными механизмами, опорной плиты и оптического прицела.

⁷ «АГС-17» «Пламя» – мощный автоматический станковый гранатомет. Стреляет гранатами «ВОГ-17» и «ВОГ-17М». Прицельная дальность при стрельбе прямой наводкой до 700 метров. Имеет оптический прицел.

– Два возражения. Первое. Ваши люди не обучены вести разведывательные действия. Поверьте мне, это совсем особый вид боевых действий, и, имея даже великолепную боевую подготовку, можно не справиться с разведзадачей. Второе. Большой отряд будет элементарно замечен со стороны. Кто-то же доложил в поселке Припрудном, что к вдове младшего Улутбекова приходил гонец от старшего брата. Значит, есть у Джумали осведомители в поселке. Есть, наверное, и в других местах. Составом взвода, даже разделившись, мы проскользнем через центральные улицы любого поселка незамеченными и даже не облаянными собаками. А большим составом это сделать будет невозможно.

Майор Еремеенко нахмурился. Надежды его не сбывались.

– Мне остается только согласиться. Кстати, своей властью я не могу тебя туда отправить. Я сейчас позвоню в антитеррористический комитет. Приказ должен исходить от них. А ты готовься следаков встретить. Уже мелькают вдаль среди деревьев.

– Мне еще рапорт о захвате бункера нужно написать. В двух экземплярах. Один для командования, второй – для следователей. Я пока этим и займусь. И прикажу солдатам костерок развести. Все комарья будет меньше...

* * *

Рапорты писать старший лейтенант Раскатов давно научился. Писал обычно кратко, не вдаваясь в подробности, и всегда только по существу. Привычно постарался уложить все в десяток с небольшим конкретных строк. И закончил как раз к моменту, когда неподалеку разгорелся маленький костерок и около него появились посторонние люди, большинство из которых были в штатском. Отошедший в сторону для разговора со штабом антитеррористического комитета майор Еремеенко уже вернулся и встретил следственную бригаду. Майор объяснял что-то немолодому дагестанцу, который от него не отходил, тогда как другие уже готовились спуститься в подземелье и проверяли фонари. Раскатов понял, что рядом с майором стоит руководитель следственной бригады, и передал ему один экземпляр своего рапорта.

– Здравия желаю. Это, как я понимаю, вам?

– Правильно понимаешь. – Дагестанец взял лист бумаги, коротко глянул, едва ли что успев прочитать в полумраке, кивнул и убрал рапорт в папку, которую не выпускал из рук. Должно быть, майор Еремеенко его уже предупредил, чем занят командир взвода спецназа ГРУ, и руководитель следственной бригады ждал этого рапорта, как обычного и мелкого делового документа. А сам старший лейтенант вопросительно посмотрел на майора Еремеенко.

Тот, понимая, что этот взгляд значит, кивнул.

– В комитете согласны. Пойдем, я тебе карту выделю. У моего начальника штаба есть. И приблизительно место обозначу.

– Куда ты старлея отправляешь? – спросил руководитель следственной бригады у майора. – У меня могут возникнуть к нему вопросы.

Еремеенко глянул на Раскатова, и теперь уже старший лейтенант по взгляду понял, что майор не горит желанием делиться информацией с малознакомым следователем. Может быть, даже не имея к тому никаких конкретных оснований, но просто понимая, что такое соблюдение режима секретности. И ответил сам, потому что майору еще предстояло оставаться здесь с этим следователем, общаться с ним и работать, поэтому натягивать отношения в струну Еремеенко не хотелось:

– Приказ командования. Обычные поисковые мероприятия.

– Товарищ полковник... – поправил следователь. – Я – полковник Джамалов, старший следователь Следственного комитета при окружной военной прокуратуре.

– Обычные поисковые мероприятия, товарищ полковник, – согласно отозвался Раскатов, привычный к уставным отношениям со старшими офицерами.

– А в каком районе?

– Этот вопрос, товарищ полковник, задайте моему командованию. Вам объяснят, если сочтут это необходимым. Я же пока, со своей стороны, такой необходимости не вижу.

– А я тебе вопрос задаю. И отвечай старшему по званию.

Вообще-то, даже уважая звания, Раскатов не видел причин для подчинения.

– Вы, товарищ полковник, к счастью, не являетесь моим командиром, а я выполняю задание командования. И потому в ответ на ваш вопрос задам свой. Это, с вашей стороны, официальный вызов на допрос?

– Можешь и так считать.

Старший следователь выглядел традиционным местным хамом, облеченным властью. Частое явление. И давно известное старшему лейтенанту. Властный характер руководителя следственной бригады настоятельно и привычно требовал к себе отъявленного уважения, чуть ли не почитания. Но Раскатов уже многократно сталкивался с этим в Кавказских республиках. Каждый полковник здесь чувствует себя, по меньшей мере, командующим родом войск. А уж если получит по какому-то недоразумению генеральские погоны, вообще никому от него спасения не будет. Впрочем, в армии выходцам с Северного Кавказа с некоторых пор генеральские звания уже не дают. Обожглись на бывшем командующем Сухопутными войсками генерале Семенове. Лишь в различных правоохранительных структурах эта дурная традиция еще сохраняется.

– Тогда выписывайте официальную повестку и вызывайте в свой кабинет. Я не имею права отвечать, товарищ полковник, – упрямо ответил старший лейтенант, – пока вы не предъявите мне документ, подтверждающий ваш допуск к проверке действий военной разведки. Извините уж, но в нашей службе это считается нормальным. Вы, вероятно, никогда не имели дела с Главным разведывательным управлением. Иначе так не настаивали бы. И вообще, я не знаю, где пришлось бы вас потом искать, если бы вы пытались узнать все без допуска...

Последняя фраза прозвучала предупреждением и заставила полковника задуматься.

А старший лейтенант, развернувшись, двинулся дальше.

– Я к чему разговор веду, старлей, – в спину Раскатову сказал руководитель следственной бригады. – Если твой маршрут идет по следу эмира Хамида Улугбекова, то мне это необходимо знать. Улугбеков – мой личный враг. Я все его дела веду. Если поймаю, сниму с него шкуру с живого... Так что, если дело касается Хамида, держи меня в курсе.

– Обязательно, – как отмахнулся, пообещал старший лейтенант Раскатов, не собираясь, естественно, держать полковника в курсе своих дел. По традиции, следственную бригаду вызывают тогда, когда все уже завершено. Тогда и о делах пишут рапорт.

И Раскатов пошел дальше. Майор Еремеенко, молча наблюдавший сцену, пошел следом, оставив полковника ни с чем. Еремеенко, как долгое время работающий в республиканском управлении ФСБ офицер, давно уже привык к таким отношениям и не заострял на них внимания. Взял пачку карт у своего начальника штаба, нашел нужную, передал Раскатову, пальцем очертил район поиска и объяснил:

– Вот здесь предположительно. Северо-западнее поселка Припрудный. И дальше, за край имеющейся у нас в наличии карты. Если бы знать, что ты затеешь, взял бы дополнительные.

– Парфюмер может быть дальше?

– Может быть. Я просто не в курсе. И в штабе тоже не в курсе. Были бы в курсе, его давно бы уничтожили. А так – на северо-запад от Припрудного...

– А там в самом деле есть пруд? – спросил Раскатов.

– Был в шестидесятые годы прошлого века. Поселок построили пленные немцы. Они же и пруд соорудили, чтобы рыбу разводить. Потом за прудом ухаживать было некому. Пруд стал болотом, а потом и болото высохло. Вместе с рыбой. Я когда в Дагестан приехал, пруд уже не застал. А ты в поселок собрался?

– Если там пруда нет, там и делать нечего. Думал дать солдатам искупаться. Мы сегодня не успели в баню сходить, подняли по тревоге.

– А в казарме помыться невозможно?

– Во-первых, мы на базе не в казарме живем, а в палатках. В казарму только через два месяца вернемся. Во-вторых, кто знает, когда мы из этого поиска вернемся. Такой поиск, бывает, затягивается на длительное время. И это, товарищ майор, не вопрос гигиены. Просто в жаркую погоду, особенно во время продолжительного марша, солдаты потеют. От них запах идет. Хороший нос такой запах издали почует. У нас в батальоне из-за этого однажды засада сорвалась, которую два месяца готовили. Значит, это вопрос боевого обеспечения.

– Пока ничем помочь не смогу. В горах ручьев много. Только это могу посоветовать. А когда на базу вернетесь, обещаю похлопотать, чтобы вам баню вне графика предоставили.

– Тогда уже может оказаться поздно, но и на том спасибо. А ручьями мы пользоваться умеем и даже постараемся мыльной пены в воде не оставить. – Старший лейтенант убрал полученную карту в планшет. – Жалко только, что карта рано кончается. Но как-нибудь обойдемся тем, что есть. Мы привычные работать от обстановки...

Майор Еремеенко протянул ему руку.

– Будут результаты, звони напрямую мне или, если я отвечать не буду, сразу в штаб. Телефоны ты знаешь. Я постараюсь под каким-нибудь предлогом выдвинуться ближе к тебе. Чтобы в случае необходимости обеспечить оперативность действий. Твой телефон, кстати, на время этой операции поставили и под контроль на СОРМ-2⁸.

– Зачем?

– На всякий случай. Не знаю я. Это была просьба ГРУ. Как я понял, у них что-то с одним из спутников. Неполадки технического порядка. И временами контроль твоей трубки пропадает. Попросили продублировать. Если что, запросят недостающий момент.

– Моя трубка на контроле космического управления ГРУ? – удивился старший лейтенант Раскатов.

– А ты не знал? Извини, выходит, я проболтался.

– Я слегка удивлен, признаюсь. Обычно на контроль ставят при особо важных операциях. А что у нас за операция... Не такая большая шишка этот Улугбеков.

Раскатов на прощание крепко пожал протянутую руку. Но и у майора кисть была сильной и крепкое пожатие легко выдержала...

* * *

Собрать взвод оказалось несложно. Майор Еремеенко выделил своих бойцов на смену спецназовцам в передовую линию, командир полицейского спецназа выставил своих во вторую линию, а старший лейтенант Раскатов со своими бойцами, не устраивая отдыха, поскольку отдыхать после караульно-постовой службы лучше всего в движении, сразу ушел в маршрут.

И, едва взвод вышел на нужную тропу, сразу резко, как обычно бывает в горах, стемнело. В ущелье темнота чувствовалась особенно сильно, была густой и непроглядной. Подсвечивать путь фонариком старший лейтенант не пожелал, потому что ущелье на этом участке было достаточно прямым и луч фонарика можно заметить издали. Конечно, маловероятно было, что эмир Хамид Улугбеков будет возвращаться в темноте, рискуя переломать своим бойцам ноги на подступах к своей «норе». Тем не менее нарваться на засаду по небрежению старший лейтенант Раскатов не желал. Он шел первым, старательно всматриваясь в темноту под ногами и иногда даже ощупывая почву подошвой перед тем, как поставить ногу. Это, конечно, замедляло движение взвода. Свет далеких звезд помогал мало. Но скоро выкатилась на небо большая

⁸ СОРМ-2 – система прослушивания аппаратуры связи, в том числе и связи сотовой.

луна, близкая к полной, и не совсем еще правильный круг тропу более-менее освещал. Раскатов резко взвинтил темп, чтобы за то время, пока луна пересекает сектор неба, ограниченный двумя лесистыми хребтами, преодолеть как можно большее расстояние. А когда луна, слишком быстро, по мнению Раскатова, преодолевающая сектор неба, была близка к тому, чтобы скрыться за хребтом, командир взвода вообще перешел на бег. И взвод покинул ущелье как раз в момент, когда снова наступила темнота. Но на сей раз она длилась недолго, потому что Раскатов вывел взвод на относительно равнинное пространство, где и луна хорошо была видна, и тропа под луной высвечивалась отчетливо. Это уже позволило передвигаться в привычном темпе, перемежая бег с быстрым ходом. А потом трава повела на траверс другого хребта, каменистого и потому не заросшего активно лесом. И там тоже путь освещала луна. Но для тех, кто носит нарукавную эмблему с изображением летучей мыши, ночные переходы не составляют чрезвычайной сложности. Летучая мышь ведет ночной образ жизни и прекрасно ориентируется в темноте. Точно так же хорошо ориентируются и спецназовцы. Да и тропа не давала им возможности потерять ориентацию.

Перед выступлением в маршрут командир взвода при свете своего тактического фонаря внимательно изучил карту. Со стороны казалось, будто он ищет, в какое условное обозначение карты лучше стрелять. Но, если фонарь укреплен на оружии, использовать его приходилось вместе с ним. Память позволяла старшему лейтенанту Раскатову не пользоваться в пути фонарем и не раскрывать планшет, чтобы посмотреть карту. Она отложилась у него в голове. И весь мысленно проложенный маршрут тоже отложился. По крайней мере, путь до района поиска, потому что дальше Раскатов планы строить не хотел. Какая обстановка будет, когда взвод прибудет в район поиска, никто предположить не мог. Но, пока не прибыли на место, идти можно было почти спокойно. «Почти» – это вовсе не значит, что взвод шел, потеряв осторожность. Как только покинули пределы ущелья, старший лейтенант вызвал и поставил вместе с собой ведущими двоих из трех имеющихся во взводе пулеметчиков. Вообще-то, согласно штатному расписанию взводу полагается один ручной пулемет и один пулеметчик к нему. Но при большинстве условий боя, имея большую подавляющую силу огня, пулемет, естественно, более выгодное оружие, нежели автомат. И потому трофейное оружие спецназовцы предпочитали оставлять во взводе. Так и оставили сначала второй, потом и третий ручные пулеметы. Командование об этом, конечно, знало, но отворачивалось в нужный момент в нужном месте, поскольку о пользе пулеметов, наверное, догадывались даже проверяющие генералы.

И эта польза нашла себе применение уже в самом конце маршрута, когда начало рассветать, но темень еще цеплялась за скалы, пряталась в урочищах, в которые сползала с освещенных хребтов. Взвод приближался к выходу из последнего ущелья, входя в район, обрисованный майором Еремееenko пальцем на карте, когда старшему лейтенанту Раскатову показалось, что где-то вдалеке среди скал мелькнул луч фонарика. Солнце на дно ущелья еще не проникло, судя по конфигурации хребтов, идущих с юго-запада на северо-восток, как определил командир взвода, и проникнет не скоро.

Стандартный знак командира, видимый, наверное, только идущим следом, тем не менее стал понятным всем, потому что идущие следом сразу выполнили приказ, а идущие следом за ними повторили действия, и так до самых замыкающих. Раскатов только поднял вверх раскрытую ладонь с растопыренными пальцами и повел кистью вправо-влево. И, когда он оглянулся для проверки, взвода позади уже не было – солдаты рассредоточились по обе стороны тропы. Сошел с тропы и сам старший лейтенант, сдвинувшийся с одним из пулеметчиков вправо, тогда как второй пулеметчик шагнул влево. Вокруг тропы лежали молодые заросли ельника и разномастные кусты перегораживали путь. Между ними пришлось петлять, тем не менее снижение скорости передвижения уже не играло решающей роли. Но благодаря предосторожности спецназовцы первыми увидели противника, когда тот еще не был готов к бою. Четверо бандитов торопились и почти бежали. Двое при этом несли на плечах нелегкий автоматический гра-

натомет с уже прикрепленной патронной коробкой, один тащил на плече сложенный треножник гранатомета, четвертый нес две запасные металлические коробки с гранатными лентами. Бандиты под тяжестью груза обливались потом, и ни у одного не был подготовлен на случай неожиданной встречи автомат.

Оценив ситуацию, старший лейтенант Раскатов сделал знак своему пулеметчику оставаться на месте, а сам двумя прыжками взлетел на тропу и встал, широко расставив ноги, когда до бандитов оставалось около восьми метров. Автомат командир взвода держал двумя руками параллельно телу и явно не грозил им.

– На прогулку, никак, вышли, ребята? – громко спросил Раскатов.

Его голос прозвучал для бандитов громом прямо над головой, а появление напоминало удар молнии. Они сначала даже дар речи потеряли. Но беседу поддержать не стремились, стали торопливо бросать тяжелое оружие, которое несли, и пытались добраться до своих автоматов.

– Сложить оружие хотите? Правильно! – сказал старший лейтенант и едва успел залечь под тут же раздавшуюся автоматную очередь. Она хлестко ударила по ночной тишине, и раскатами со скалы на скалу заскакало эхо. Впрочем, в преимущественно лесистых горах эхо далеко не уходит, и ельник легко и быстро глушит его. Но все же очередь оказалась даже для старшего лейтенанта неожиданной. Один из бандитов оказался шустрым и до автомата добрался быстро. Раскатов имел хорошую боевую подготовку и умел правильно реагировать на наставленный на него ствол.

Два пулемета включились в дело сразу, одновременно и с двух сторон, и попросту снесли бандитов с тропы – расстояние было мизерным, и на такой дистанции останавливающая сила пулеметной пули имеет значительный показатель. Очередь слева бросала уже пораженные, но не упавшие тела под пули справа, очередь справа делала все наоборот. И все четверо свалились за пределами тропы. Бронежилеты, что были на двух бандитах, оказались на такой дистанции не слишком надежной защитой. И сами бронежилеты были слабые, не больше чем с третьей степенью защиты, которая на короткой дистанции от пулеметных и автоматных пуль не защищает. Черная обшивка бронежилетов показывала, что они скорее всего сняты с каких-то сотрудников охраны. Об этом же говорило отсутствие даже самой короткой бронеюбки, защищающей тело человека ниже пояса.

– По ногам! – с опозданием дал команду Раскатов.

Однако по ногам стрелять уже было некому. Очереди смолкли. Бандитов на тропе не осталось. Пулеметы умеют отлично выполнять свою основную работу и легко оправдывают репутацию безжалостных механизмов.

Знак рукой снова поднял взвод, но вокруг убитых не собралась толпа. Солдаты умело перебежали и рассредоточились вокруг тропы, не желая представлять собой классическую мишень. Любопытство на войне бывает часто наказуемым. Но солдаты и командир взвода хорошо понимали – где прошла четверка бандитов, вполне могли появиться и другие.

– АГС забрать, патроны забрать! – дал команду командир взвода. – Выдвигаемся с двух сторон тропы. Вперед! Пулеметы в авангард! Я догоню.

Взвод двинулся, а сам старший лейтенант склонился поочередно над каждым из убитых и обыскал всех, забрав документы и трубки сотовой связи. Пачки с сигаретами, что были у всех четверых, не взял, хотя мысленно отметил, что все курят. Это тоже кое о чем говорило. По крайней мере, по ветру сам бы старший лейтенант определил курящего в засаде бандита на добрых тридцать метров. Такое уже случалось. Но сейчас вопрос стоял не в определении засады, а в том, кто послал в ущелье этих парней. И с какой целью послали. Спросить, из какой они банды, как хотелось старшему лейтенанту, было уже некого, поскольку люди с несколькими пулями в разных частях тела и при отсутствии сердцебиения не отличаются болтливостью. Тем не менее разрисованные татуировками руки, высвеченные тактическим фонарем, говорили сами за себя. Это были явные уголовники, отдавшие не один год жизни пребыванию

в местах с охраняемым периметром. Хотя сейчас у людей, которые не могут себе позволить отличиться умственными способностями, в моде татуировки, чтобы попытаться выделиться хотя бы так глупо. Даже женщины этим грешат, уродливо пачкая свое тело. Тем не менее отличить тюремную татуировку от другой несложно. Качество ниже, и сами татуировки более конкретны. Вытатуированные перстни на пальцах говорят о количестве сроков за решеткой, а лучи, расходящиеся от этих перстней, говорят о количестве лет в каждой из «ходовок». Утренний сумрак делал невозможной фотосъемку на камеру трубки. Поэтому пришлось просто отметить точное место на карте и двигаться вдогонку за взводом. Тем более что велика была вероятность встречи с новыми бандитами любой из двух банд. Конечно, напрашивался вопрос: почему четверо с гранатометом двинулись в эту сторону? Но ответ напрашивался сам собой. Парфюмер знал о приближении к нему банды эмира Хамида и готовился не просто отбить атаку, но хотел уничтожить банду полностью. И выслал на путь возможного отступления соседей эту группу. Если кто-то спасся и пожелал убежать, то попал бы под обстрел гранатомета. А автоматический гранатомет «Пламя» – еще более безжалостный механизм, чем пулемет. И вся банда Улугбекова была бы, скорее всего, обречена на уничтожение. С одной стороны – это неплохо, когда бандиты уничтожают таких же, как они, бандитов. Но Улугбеков не был столь одиозной фигурой, как Парфюмер. Эмир Хамид был скорее идейным противником нынешней власти в республике и в стране, чем просто бандитом. Его обстоятельства заставили взять в руки оружие. А Парфюмера к этому толкнуло желание «вольницы», когда под шумок можно творить свои грязные дела и чувствовать при этом себя безнаказанным. Конечно, эта безнаказанность могла продолжаться только лишь до определенного момента, но в наступление этого момента никто из бандитских эмиров никогда не желает верить. Плохое, как считает любой человек, может случиться с каждым, только не с ним самим. И это не только в Дагестане, не только в бандитских делах. Это вообще свойство всех людей...

Глава третья

Догнать взвод было несложно. Одному человеку, имеющему запас сил, это всегда легче, потому что один обычно передвигается быстрее, нежели группа. И догнать удалось еще до выхода из ущелья. Но там уже предстояло решать, как дальше вести разведку. При выходе из ущелья тропа расходилась в четыре стороны. Одна из новых троп, самая западная, отпадала для выбора сразу, потому что вела в большое чеченское село, не редкое по эту сторону административной границы между республиками, так же как и дагестанские села порой встречаются по ту сторону, в Чечне. От этой же тропы ответвление вело в поселок Припрудный, куда тоже не было смысла соваться. Оставалось три тропы, что, впрочем, не делало задачу выбора намного проще.

– Привал до рассвета. Рассредоточиться и не высовываться...

Первая команда солдатами традиционно любима. А две остальные являлись только уточняющими и предупреждающими и по большому счету не слишком и нужными, потому что старший лейтенант Раскатов свой взвод хорошо готовил и уверен был, что солдаты в любой обстановке поведут себя правильно и без подсказки сверху. Так и случилось. Командиры отделений вместе с заместителем командира взвода даже часовых самостоятельно выставили.

Звонить майору Еремеенку с докладом о захвате автоматического гранатомета и уничтожении четверых бандитов старший лейтенант хотел только после того, как определится с дальнейшими действиями. Конечно, хорошо было бы услышать от майора совет, но какой совет тот может дать, не имея под рукой никаких данных? Значит, решать и выбирать метод действий предстояло самому. Прикрывшись пологом, Раскатов долго рассматривал под лучом фонарика карту. Но карта ничего интересного не подсказывала. Любая из трех троп могла вести к противнику, точно так же, как могла и не вести. Выход в таком положении просматривался единственный. Дождаться рассвета и тогда уже искать следы. Остановившись на таком решении, Раскатов вытащил трубку и набрал номер майора Еремеенка.

– Здравия желаю, товарищ майор. Не разбудил?

– А я вообще ложился сегодня? – вопросом на вопрос ответил командир группы спецназа ФСБ. – Мы еще не закончили полный осмотр «норы». Следователи – народ дотошный. Все отпечатки пальцев собирают. Даже с ручки в туалете. Как закончим, дождемся вертолета со взрывчаткой и будем взрывать, если ты не будешь возражать.

– Буду, – категорично заявил старший лейтенант. – Звук мощного взрыва далеко уйти может. И отпугнет эмира Хамида, в случае если тот уже возвращается. Хотя у меня есть основания предполагать, что он еще не возвращается.

– Интересно. Подскажи, что за основания.

– Парфюмер выслал четверых бандитов с АГС «Пламя» для перекрытия возможных путей отхода. Кому? Я так полагаю, что банде эмира Хамида.

– Есть пленники?

– Нет. Все четверо – наповал. Но характерные уголовные татуировки имеются у всех.

– Думаешь, у Улугбекова уголовников в банде не было?

– Об этом нужно подполковника Джабраилова спросить. Татуированные перстни на пальцах. Джабраилов как мент должен знать, что они означают.

– Подождешь? Он неподалеку спит. Я спрошу.

– Если не трудно, товарищ майор. Я подожду.

Ждать пришлось больше двух минут. Даже при том, что подполковник Джабраилов спал неподалеку от Еремеенка, майор все же не стоял на его животе двумя ногами и не имел возможность разбудить, наступив каблуком на нос. Тем не менее разбудил, вопрос задал и сообщил старшему лейтенанту Раскатову ответ:

– Перстней ни у кого не было. По крайней мере, Анзор Вахович не видел, хотя общаться приходилось со всеми. Есть в банде один «расписной», Джабраилов разговаривал с ним, но тот не уголовник. Только детство его прошло в уголовной среде, и татуировки наносились «самопально» в детском возрасте. Но перстней на пальцах и у него нет. Наш подполковник в этом уверен на сто процентов.

– Значит, я был прав, и это бандиты из джамаата Ихласова. Кроме того, у эмира Хамида нет автоматического гранатомета, а у Парфюмера он был. Теперь он принадлежит моему взводу. Буду солдат обучать пользоваться.

– Прекрасно. Значит, возражения против взрыва бункера снимаешь?

– Снимаю. Хотя, на мой вкус, лучше было бы заминировать его.

– Чтобы взорвался кто-то посторонний?

– Пусть посторонний сначала попытается найти эту «нору». Не знаю, как бы мы нашли, если бы бандиты сами не высунулись.

– Мы подумаем над твоим предложением. Что делать с твоими убитыми? Сдавать их следственной бригаде?

– Они мне всю разведку испортят. Я пока оставил убитых у тропы. Забрал документы и трубки. Попробую провести анализ трубок. Может, в какой-то есть номер Парфюмера. Нет – придется искать следы живые. Когда свои действия закончу, тогда можно будет и вызывать следственную бригаду. А пока они будут только мешаться, да и охранять их придется. Сами они, я думаю, как обычно, небоеспособны.

– Действуй. Что думаешь предпринять?

– Жду рассвета. Искать следы с фонарями – это солдат под возможный обстрел подставить. Вплоть до минометного. А в этом приятного мало. Лучше уж подождем, когда рассветет достаточно. Это минут пятнадцать, не больше. Солнце еще не выйдет, но будет уже достаточно света для поиска следов. Потом выберем путь. Три тропы, как в сказке. По какой пойти, не знаю, и камня придорожного с надписью нет.

– Хорошо, Константин Валентинович. Будет что новое, сообщай. Я в любом случае, как здесь закончим, буду наготове, и группа моя тоже. И вертолет буду в готовности держать. Позвонишь – мы сразу вылетаем. Действуй пока...

* * *

Старший лейтенант Раскатов совершенно не страдал от бессонной ночи. Более того, после ночного марша он даже не слишком устал. По крайней мере, у него не возникло желания лечь и раскинуть руки и ноги крестом, чтобы отдохнуть и восстановить силы, как это делали солдаты. Константин Валентинович сам учил их этой позе, даже толком не зная, почему именно она рекомендована для полноценного и скоропалительного отдыха, почему именно крест дает телу возможность так быстро восстановиться. Так говорили те, кто учил его самого, так и он доносил эти знания до солдат, являясь только передаточным звеном.

При этом многие из солдат сразу задремали. А командир взвода знал за собой привычку не засыпать сразу после продолжительной нагрузки. Его организм требовал расслабления, без которого не давал сну сомкнуть веки. Впрочем, и из солдат многие тоже не рвались уснуть хоть на короткое мгновение. У каждого человека, как знал Раскатов, организм работает по-своему, и здесь нет общих универсальных критериев. И потому не давал, как некоторые командиры взводов, команду «Все спать!», понимая, что закрытые глаза солдата вовсе не означают, что он уснул. Тогда зачем давать бесполезную команду!

В отношении отдыха Раскатов предпочитал рациональный подход – каждый из солдат сам знает, как ему удобнее получить полноценный отдых. Хотя о полноценном отдыхе в условиях боевой операции говорить вообще не приходится. Частицу отдыха получить – и то хорошо.

Старший лейтенант все чаще посматривал на небо, ожидая момента, когда рассвет наполнит ущелье и надолго затормозится вплоть до восхода солнца. А оно в горах восходит поздно, потому что горизонт здесь близкий и высокий.

Наконец командир взвода решил, что светлее уже долго не будет, до самого выхода солнца из-за хребта на востоке, а значит, пора выступать из ущелья. И подал негромкую команду. Негромкую потому, что после громкой в организме наступает резкий момент нервного возбуждения, а возбуждаться во время боевой операции ни к чему.

Резко и сразу поднялись все, даже те, кто спал не притворяясь. Хотя, скорее всего, не притворялся никто. Но сон, однако, никому не помешал услышать команду – человеческое подсознание лучше, чем холодный и расчетливый, интуитивно-эгоистичный ум, знает, что такое боевая операция, и всегда становится надежным будильником. Таким, который заставляет даже сквозь сон и усталость слышать все, что происходит вокруг, и реагировать на ситуацию адекватно. Более того, подсознание даже сразу выводит человека из состояния сна в состояние явственного осознания происходящего. И потому никто не потягивался, не зевал. Все сразу проснулись с ясной головой, готовые к действию.

Старший лейтенант без слов дал команду, взмахнув рукой, и сам снова занял место ведущего. Два пулеметчика тут же пристроились по бокам и на полшага сзади. Так и вышли из ущелья на перекресток четырех троп.

– Ищем свежие следы, – поставил командир взвода задачу. – Левая тропа нас не волнует. Только три оставшиеся. Где бандиты проходили? Дистанция осмотра – пятьдесят метров от перекрестка. Работаем по отделениям.

Три отделения сразу разошлись каждое по своей тропе. Начался поиск.

И уже через минуту пришел первый результат. Командир второго отделения младший сержант Локоть вышел на свободно просматриваемое место и поднял руку, не желая звать командира криком. Когда командир увидел его и ответно поднял руку, командир отделения сделал второй знак, трижды сжимая кулак и потом резко выбрасывая в стороны пальцы. Это было приглашение саперу.

– Иванников, – позвал старший лейтенант.

Младший сержант сразу шагнул к командиру, а потом и за ним. Локоть встретил командира с сапером за пять шагов от основной своей группы.

– «МОН-100»⁹ в траве. Взрыватель от натяжителя. Натяжитель натянут поперек тропы.

Сапер кивнул, и, не дожидаясь приказа, пошел туда, куда показывал Локоть.

– Осторожнее! – напомнил командир взвода. – В зону поражения никому не входить.

Еще через минуту Иванников, сразу склонившийся над высокой травой, выпрямился и показал поднятую над головой трубку взрывателя противопехотной мины. Командир подошел.

– Что тут? Правда – «МОН-100»?

– Наполовину, я бы сказал. Я уже несколько раз встречался с заменой взрывателя на «самопальный». Стандартных, возможно, нет в наличии, или стандартный требует присутствия человека неподалеку. Это для бандитов не всегда приемлемо.

– Я уж тоже подумал, что если «МОН-100», то где-то должен сидеть бандит, чтобы мину активировать.

Раскатов хорошо знал, что мина «МОН-100» комплектуется электродетонатором, и взрыв обычно производится в управляемом режиме. Но самодельные взрыватели, активируемые от натяжителя или даже радиоуправляемые, активируемые с безопасного расстояния тем же наблюдателем, сидящим с биноклем, широко применялись бандитами. Однако, чтобы изготовить такой взрыватель, требуются знание теории и руки специалиста. Видимо, у бандитов

⁹ «МОН-100» – противопехотная осколочная мина направленного поражения. Входит в стандартное вооружение Российской армии вместе с минами «МОН-50», «МОН-90» (развитие мины «МОН-50») и «МОН-200».

таковой имеется. А это значит, что следует удвоить осторожность. Как правило, специалисты любят устраивать мины-ловушки. Причем каждый делает что-то по-своему, со своей собственной хитростью. Раскатов слышал даже про одного бандитского минера по кличке Башмачник. Тот выставлял на дорогу пару начищенных до блеска солдатских башмаков. Колонна военных или полицейских машин останавливалась, башмаки поднимали, и следовал взрыв. Да мало ли что еще можно придумать...

Сразу после обезвреживания мины второе отделение продолжило поиск. А командир попытался провести анализ, не уверенный в том, что поиск здесь может дать еще один нужный результат. Вопрос был в том, могли ли установить мину те парни, что несли автоматически гранатомет «Пламя» и нашли свою гибель рядом с тропой в ущелье? Теоретически, конечно, могли. Но зачем им это было нужно? Если бы они установили «МОН-100» на пути отступления банды эмира Хамида, то и свой гранатомет устанавливали бы где-то неподалеку, на первых скалах хребта, у входа в ущелье. Благо дистанция позволяет вести из «АГС» стрельбу прямой наводкой. И не уходили бы куда-то вдаль, разрывая момент уничтожения отступающей банды на две части. Ведь даже пьяному ежику понятно, что после взрыва «МОН-100» момент для обстрела из гранатомета весьма удобен. Слишком удобен, чтобы им пренебрегать. И скорее всего, бандиты им не пренебрегли бы. Они просто не знали про эту мину. А если и знали, если мина была установлена людьми Парфюмера раньше, то сейчас гранатометчики не остановились просто потому, что этой тропой при отступлении никто воспользоваться не должен.

– Локоть? – позвал старший лейтенант.

Младший сержант тут же оказался рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.